

Гостевая каюта, в которой остановился Чжан-цзун, по-прежнему хранила отпечаток его многолетних привычек. Обстановка была лаконичной и строгой: ни на столе, ни на постели не нашлось бы ни одной лишней вещи. В ванной комнате на полочке сиротливо ютился скромный набор для ухода за кожей и флакон одеколона — марке которого Чжан Шаочи не изменял последние пять лет. Все предметы были расставлены с геометрической точностью, выдавая в хозяине человека довольно скучного.

Горничная заглядывала сюда ежедневно, но убирать ей было практически нечего. Даже живя в собственных роскошных апартаментах, этот мужчина умудрялся превращать любое пространство в подобие стерильной казармы.

В нем до сих пор жили привычки унтер-офицерской юности: не будь здесь прислуги, Босс Чжан каждое утро непременно сворачивал бы одеяло аккуратным армейским кубиком, выстраивал ботинки у кровати и строго параллельно задвигал стул под письменный стол. Чистейшей воды obsessia, вечно выделявшая его на фоне остальных.

Пэй И все же не удержался. Он тихонько заглянул в мусорную корзину в ванной, но так и не обнаружил там привычных «шариков» особой марки, которые всегда предпочитал этот мужчина. На душе стало паршиво.

— Совсем постарел? — едва слышно прошептал он себе под нос. — Движок заглох и расход прекратился?

В стеклянном шкафчике ровными рядами стояли дорогие интимные игрушки — массажеры и гаджеты с подогревом, — но ни одна упаковка так и не была вскрыта.

Он уже собирался уходить, когда взгляд зацепился за дорожный чемодан в углу каюты. Пэй И быстро подошел, опустил его на пол и распахнул. Сомнений больше не оставалось: его словно бес попутал — безумно хотелось раскопать любую мелочь, связанную с этим человеком.

Какую одежду он теперь носит? И нет ли среди вещей каких-нибудь постыдных секретов?

Пять лет.

Пять долгих лет он шел по темному, одинокому пути в маске безжалостного жнеца. Но именно в эту секунду где-то позади забрезжил слабый луч света, заставив его вздрогнуть и согреть озябшие плечи. В его жизни тоже когда-то были яркие краски. Глубоко внутри его мятежной, порочной души все еще теплились чистые и прекрасные воспоминания.

Стоило обернуться, и там, в прошлом, по-прежнему стоял тот самый, до боли знакомый человек. Вот только сам Пэй И ушел уже слишком далеко...

Приглушая шепот до едва уловимой вибрации голосовых связок, чтобы звук не пробился в

общий радиоэфир, он проворчал:

— Бесстыдник, старый развратник... Неужели все сам пользуешь? Хотя тебе ведь без надобности. Или за последние два года совсем сдал и без этого никак? Кому ты их покупал? Тому коротконогому уродцу из соседней каюты?

Лицо Пэй И оставалось бесстрастным, но опущенные ресницы выдавали глубокую, щемящую тоску. Впрочем, эта досада наполовину состояла из искреннего недоумения: как за эти годы вкус Второго дяди мог настолько испортиться? Куколки, которых он держал при себе, с каждым разом становились все невзрачнее.

В наушнике раздался тревожный, виноватый голос.

— Командир, что-то не так? — тихо спросил Ноль-ноль-два. — Мы где-то наследили?

Пэй И не спеша закрыл чемодан.

— Даже если и нет, он обо всем догадается. Чжан Шаочи далеко не глуп.

— Я заменила поддельную карту в его внутреннем кармане на ту, которую только что скопировала, — отозвалась Ноль-ноль-один. — Все сделала чисто. В чем я могла ошибиться?

— Сестра Дахуа, неужели у тебя сегодня руки дрогнули? — вставил Ноль-ноль-три.

— Исключено! С чего бы им дрожать?

— Как именно ты положила карту? — спросил Пэй И.

— Как обычно. Логотипом круизной компании наружу, чипом внутрь.

— Твоей вины тут нет, — Пэй И тихо усмехнулся и со вздохом добавил: — Я забыл предупредить: Чжан Шаочи всегда все делает шиворот-навыворот. Сам он кладет карту только текстом внутрь, а чипом наружу. Он суеверен — верит, что так деньги в карман идут.

—... У старика явно не все дома, — пробормотала Ноль-ноль-один.

— Об этих мелочах знаю только я, — мягко ответил Пэй И.

В эфире воцарилось молчание.

Вернув чемодан на место, Пэй И открыл створки платяного шкафа. Перед глазами раскинулась безупречная белизна, окончательно сокрушив его хладнокровие.

Там висели три строгих, консервативных костюма — безупречный покрой, но совершенно безликие, лишённые тепла. Справа же ровным рядом висели одинаковые белоснежные рубашки. Похоже, хозяин просто зашел в магазин, протянул карту и купил дюжину своего размера.

Под каждой рубашкой была аккуратно расправлена белая футболка.

Они были надеты друг на друга заранее: утром достаточно протянуть руку, снять вешалку — и ты одет. Привычка, не менявшаяся годами.

Одежда выдавала его с головой. И никаких носков — ни в шкафу, ни в чемодане их не было. На нижней полке стояли две пары неброских, но роскошных туфель ручной работы из Италии. Чжан Шаочи заказывал их по индивидуальной мерке и никогда не носил носков — обувь шилась так, чтобы не натирать ноги.

У Пэй И защипало в глазах. Горячая волна воспоминаний нахлынула, размывая очертания вещей.

От внезапной слабости он едва не рухнул прямо в шкаф, готовый уткнуться лицом в эту мягкую белизну. Сердце болезненно сжалось, дыхание перехватило. В наушниках раздался тяжелый, прерывистый шорох его сбившегося дыхания.

Внезапно громкость в наушнике резко подскочила. Предупреждающий сигнал пульсировал уже несколько секунд, но Пэй И, погруженный в свои мысли, попросту его игнорировал.

— Он возвращается! — закричал Ноль-ноль-три. — Командир, вы слышите?!

— Он в коридоре! Метров десять до двери... Уходите! Быстрее, уходите же!!!

Чжан Шаочи шел к каюте с ледяным, застывшим лицом. В его ярости сквозило не столько желание поймать вора, сколько уличить любовника в измене. Одной рукой он нащупал пистолет под плащом, другой уверенно выхватил карту.

Секунда — и замок щелкнул под отпечатком пальца.

Оружие наготове, патрон в патроннике. Чжан Шаочи резко выбил дверь ногой и вскинул ствол, целясь ровно туда, где, по его расчетам, должна была находиться переносица незваного гостя

— прямо в воображаемые, порочные и пленительные глаза.

В комнате висела странная дымка, куда более плотная, чем сигаретный дым в коридоре. Чжан Шаочи осторожно сделал шаг вперед. Его ястребиный взгляд мгновенно скользнул по вещам: чемодан стоял в углу ровно на своем месте, без малейшего сдвига.

На прикроватной тумбочке белел листок бумаги.

Чжан-цзун рванулся к нему, но в то же мгновение стоящий рядом очиститель воздуха затрещал, брызнул искрами и повалил густой черный дым с едким запахом гари.

Никакой мистики — обычный дым.

Чжан-цзун отпрянул, а в комнату уже ворвались двое телохранителей. От увиденного они опешили и попытались податься назад: прибор искрил и явно собирался взорваться.

В суматохе и полумраке никто не заметил, как гибкая, точно лезвие в ножнах, тень отделилась от боковины шкафа. Легким, бесшумным движением — словно снежинка, упавшая на плечо, — черная фигура скользнула мимо охранников и растаяла за дверью, оставив лишь мимолетный силуэт на ковровой дорожке. На полу больше не было ни следа.

— Назад, идиоты! — рявкнул Чжан Шаочи, отпихивая запаниковавших охранников, которые пытались уволочь его прочь.

Он прекрасно знал, кто здесь побывал и чьих рук это дело. Он был уверен: этот мальчишка никогда бы не заложил настоящую бомбу в его каюте.

— Мотор сгорел. Старая рухлядь, фильтр вспыхнул, вот и задымил.

Чжан-цзун одернул рукава, поправил воротник. Включив лампу, он взял записку. Минут десять он вертел белый листок под светом, пытаясь разглядеть скрытый текст, но это была обычная бумага — дешевый трюк для отвлечения внимания. Ни единого слова.

В груди поднималась глухая тревога, заглушая давнюю обиду. Ему хотелось кричать, трясти его за плечи, требовать ответов:

«Зачем ты явился на этот чертов лайнер? Это ты испортил сигары русского? Ты хоть понимаешь, с кем связался? Этот ублюдок торгует нефтью, оружием, наркотиками и живым товаром! Он пойдет на все! Ты с ума сошел — вырывать добычу из пасти волка?»

«Или думаешь, что мир по-прежнему чист и невинен, а все ведут бизнес так же честно, как я? Жизнь пощадит тебя и поделится добычей?»

«Глупый мальчишка... Да я дам тебе денег на любую недвижимость, только убирайся с этого проклятого корабля! Беги туда, где безопасно!»

Секретарь понимающе протянул хозяину свежую одежду. Чжан-цзун накинул чистую рубашку, даже не заботясь о пуговицах, и нетерпеливым жестом выставил всех вон. Пытаясь унять внутренний хаос, он подошел к шкафу и резко распахнул дверцы.

И замер.

Все рубашки висели на своих местах. Но воротнички каждой из них теперь были аккуратно застегнуты на вторую и третью пуговицы, бережно прижимая нижние футболки.

Чжан Шаочи сорвал одну из рубашек с вешалки и прижал к лицу, жадно вдыхая воздух. Он пытался уловить едва заметный след тепла, оставленный чужими пальцами.

Шкаф пах манговым деревом и... им. Тем самым ароматом, который остался после его ухода.

Незадолго до этого Пэй И стоял перед тем же открытым шкафом. Подавшись вперед, он прижался лицом к прохладной ткани рубашки, словно ища защиты. Губами он медленно скользнул по шву вверх, вдыхая родной запах, и прикусил зубами край воротника. Кончиком языка коснулся второй пуговицы, смочил ее, а затем ловким движением губ и зубов протолкнул в петлю.

Он проделывал это сотни раз в прошлом — легко и привычно.

Он целовал жесткий воротниковый шов, который обычно касался упрямого подбородка Чжан Шаочи. Этот мужчина был невероятно, до безумия горяч — особенно в постели. Но оценить это по достоинству довелось лишь избранным.

Закончив, Пэй И стер с губ влажный след и с силой прижал два пальца к внутренней деревянной панели шкафа.

Чжан-цзун, кажется, изучил носом каждый сантиметр этого полустарого деревянного шкафа.

Его взгляд упал на внутреннюю стенку. Там, на мягком дереве, остались два четких углубления. Если присмотреться, можно было даже различить линии отпечатков.

Чжан-цзун замороженно смотрел на эти следы добрых десять минут.

Затем он снова вызвал секретаря и ледяным тоном приказал:

— Найди менеджера круиза. Спроси, сколько стоит этот шкаф. Выкупи его и проследи, чтобы при высадке его доставили ко мне.

Он плотно прикрыл дверцы, боясь, что сквозняк унесет этот едва уловимый, драгоценный аромат.

Через полчаса группа собралась внизу.

За толстой стальной обшивкой судна глухо рокотали тяжелые механизмы, толкая огромный лайнер сквозь непроглядную ночную тьму.

В трюме дежурные рабочие натягивали промасленные комбинезоны. Один из них, недосчитавшись пары комплектов одежды, ворчал и ругался на портовых крыс, шаря по шкафчикам.

У машинного отделения грузовой лифт замер между этажами после глухого стука. В технической нише над потолком кабины — пространстве размером едва ли четыре квадратных метра — теснились четыре человека. Плечи и бедра были плотно прижаты друг к другу, говорить приходилось самым тихим шепотом.

— Панель управления трюмом у нас под контролем, командир? — Фань Гао развернул к нему экран ноутбука.

— Задержи лифт здесь минут на пятнадцать, не больше, — распорядился Пэй И.

— Проще простого, — беззвучно одними губами ответил Фань Гао.

— А история использования карт в комнате Чжан-цзуна? — спросил Пэй И.

— Систему коридоров на верхних палубах я пока полностью взломать не могу, но я обошел защиту терминала менеджера службы поддержки. Теперь у меня есть доступ к его паролям. Данные о том, что ты входил в каюту Чжан-цзуна, стерты. Ему ничего не раскопать, — кругленький очкарик рядом с Пэй И довольно осклабился.

Как штатный хакер Шестого специального отдела, этот неисправимый домосед вечно терпел насмешки товарищей за физическую слабость и трусость — он и мыши-то боялся. Тем не менее, он исправно участвовал в операциях и получал свои награды, потому что в критические моменты был незаменим.

Предыдущий Ноль-ноль-три из группы А погиб два года назад в пустыне Северной Африки.

Враги выследили его базу поддержки, лишив группу связи. Спасти его Пэй И не успел. Вернувшись, он потребовал у руководства нового хакера: «Дайте мне кого-нибудь поразговорчивее. Пусть болтает без умолку, зубы заговаривает в эфире. Эти молчаливые гении из IT-отдела слова лишнего не скажут, клещами из них статус не вытянешь. Мне нужен наглый, языкастый сукин сын».

Тогда ему прислали Фань Гао — главного болтуна Шестого специального отдела.

Позже Пэй И признался командиру: «Если бы прежний Ноль-ноль-три выходил на связь каждые пять минут, а потом замолчал, я бы сразу понял, что он в беде, и успел бы вытащить. А так... я слишком поздно узнал».

— Ты меня своим мазутом испачкал, — проворчал Пэй И, с брезгливостью глядя на грязный комбинезон Фань Гао. — Где ты откопал это тряпье?

— Командир, а от вас пахнет мужским парфюмом, — Фань Гао не выдержал и двух секунд молчания, поправив очки на переносице. — Сменили предпочтения?

Пэй И промолчал, не желая пускаться в откровения. Вкусы он не менял — просто непреодолимо тянуло к старому.

Он специально брызнул парфюмом на запястье, пока был в ванной Чжан Шаочи. Теперь, подстраиваясь под частый пульс, аромат раскрывался сильнее. В глубине души, скрытая за маской безразличия, ворочалась теплая, щемящая нежность, которую приходилось подавлять изо всех сил.

<http://bllate.org/book/19434/1950720>